

Капрал Моркоу из Анк-Морпоркской Городской (Ночной) Стражи присел прямо в ночной рубашке возле стола, взял карандаш, послунывил его и принялся писать:

«Дражайшие Матушка и Папа!

Ну вот, случился еще один прекрасный Поворот Событий достойный Книг: я наконец-то стал капралом! Это не только пять дополнительных долларов в месяц, но и новенькая куртка с двумя полосками! И новый медный значок! Это такая Огромная Ответственность! А все потому что мы набрали новых рекрутов, поскольку патриций (который, как я уже упоминал ранее, является правителем города) решил что Стража должна олицетворять собой этнический облик горожан...»

Моркоу на мгновение прервался, уставившись в маленькое пыльное оконце спальни, за которым скользили по реке лучи вечернего солнца. Затем снова склонился над бумагой:

«...что я понимаю не совсем До Конца. Наверное это как-то связано с Фабрикой Косметики гнома Громодуя Хватайгоршка. Кроме того капитан Ваймс, о котором я часто писал вам, покидает Стражу чтобы жениться и стать Пре-

красным Господином. Уверен мы все пожелаем ему Всего Наилучшего, поскольку он научил меня Всему Что Я Знаю, за исключением того что я узнал сам. Все вместе мы собираемся сделать ему Неожиданный Подарок, то есть Сюрприз. Я подумал что это могут быть одни из тех Часов, которые умеют работать без демонов внутри, и мы могли бы написать на обороте «Часы от Старых Друзей Стоявших с Тобой на Часах» или что-то в этом роде. Это называется «вкломбур» или Игра Слов. Мы пока не знаем кто будет новым капитаном. Сержант Колон говорит что Уволится, если это будет он. А капрал Шноббс...»

Моркоу вновь уставился в окно. Наморщив большой честный лоб, он добросовестно попытался вспомнить хоть что-то положительное о капрале Шноббсе.

«...сказал что он сейчас Функциклирует на своем месте, а я в Страже всего ничего. Так что сейчас нам остается только Обождать...»

Как многое другое в жизни, все началось со смерти. И похорон весенним утром, когда по земле стелился и затекал в могилу такой густой туман, что гроб пришлось опускать в него, словно в облако.

Маленькая сероватая дворняжка, носительница стольких собачьих недугов, что ее постоянно окружало вонючее облачко, безучастно наблюдала с земляного холмика.

Многочисленные пожилые родственницы плакали. Но Эдвард д'Муэрто плакать не мог. И на то были три причины: во-первых, будучи старшим сы-

ном покойного, теперь он стал тридцать седьмым доном Муэрто — и это вряд ли можно считать поводом для слез. Во-вторых, карман его оттягивал новенький хрустящий диплом Наемного Убийцы. Сами подумайте — если бы убийцы имели привычку оплакивать смерть, то их слезы не прекращались бы никогда. В-третьих, он был зол. Вернее сказать, пребывал в бешенстве.

Он злился на то, что пришлось занимать деньги на эти несчастные похороны. Злился на погоду, на простое кладбище без изысков, на непрекращающийся городской шум, который не утихал даже по такому вескому поводу, как этот. Он злился на всю эту историю, которая не должна была произойти.

Она просто не имела *права* происходить.

Эдвард посмотрел через реку на мрачную громаду дворца, и его гнев сфокусировался, как луч света в линзе.

Его определили в Гильдию Убийц, поскольку только там давали достойное образование тем гражданам, чье социальное положение намного превосходило их интеллект. Если бы его обучили Шутовскому Делу, то он наверняка бы изобрел сатиру и целыми днями отпускал опасные шуточки в адрес патриция. Если бы его научили быть Вором¹, то он прокрался бы во дворец и похитил у патриция что-нибудь ценное.

Однако случилось так... что он стал убийцей.

В тот же день он продал все, что еще оставалось от поместий Муэрто, и вернулся в Гильдию Убийц.

¹ Впрочем, ни одному благородному господину даже в голову не придет стать Вором.

Он решил поступить в аспирантуру.

Окончил он ее с отличием, получив высшие оценки и став единственным, кому это удалось за всю историю Гильдии. Кураторы охарактеризовали его как человека, за которым нужен пригляд, поскольку присутствовало в нем нечто такое, что заставляло даже Наемных Убийц ощущать тревогу и держаться от него подальше.

На кладбище одинокий могильщик засыпал яму, ставшую последним пристанищем для д'Муэрто-старшего.

Некое подобие мыслей роилось в его голове. Примерно таких:

«Сейчас бы косточку! О нет, извини. Это не совсем подходящее место, прости. Хотя в твоей штуковине для ланчей имеются бутерброды с говядиной. Почему бы не угостить одним вон ту милую маленькую собачонку?»

Мужчина оперся на лопату и оглянулся.

Пыльная дворняга не сводила с него внимательных глаз.

— Гав? — осведомилась она.

Эдварду д'Муэрто потребовалось пять месяцев, чтобы найти то, что он искал. Поиски осложнились тем, что он сам не понимал, что конкретно ищет, но знал, что ему станет ясно, как только он это найдет. Эдвард свято верил в Судьбу, как многие другие люди подобного сорта.

Библиотека его Гильдии была одной из самых больших в городе. А в некоторых узких областях знаний она была *самой* большой. Главным образом эти области имели отношение к прискорбной крат-

кости человеческой жизни и различным средствам по ее дополнительному укорачиванию.

Эдвард проводил здесь довольно много времени, часто — на верхней ступеньке стремянки, часто — в клубах пыли.

Он прочел все известные работы, посвященные вооружениям. Он не знал, что именно ищет, но нашел искомое в заметке, оставленной на полях весьма унылого и недостоверного трактата о баллистике арбалетов. Он очень аккуратно переписал эту заметку.

Кроме того, Эдвард проводил много времени среди книг по истории. Гильдия Убийц гордилась тем, что состояла из людей благородного происхождения, а такие люди считают всю писаную историю чем-то вроде собственной учетной картотеки. В библиотеке Гильдии было очень много книг и целая галерея портретов королей и королев¹, и со временем Эдвард д'Муэрте стал разбираться в их аристократических лицах лучше, чем в своем собственном. Не бывало практически дня, чтобы он не провел здесь обеденные часы.

Позже стали говорить, что именно на этом этапе жизни он попал под дурное влияние. Но тайна истории Эдварда д'Муэрте заключалась в том, что за исключением всех этих мертвых королей никто на него, в сущности, не влиял. Можно сказать, он попал под влияние самого себя.

Пожалуй, этот момент нужно пояснить особо. Отдельно взятые индивиды не являются полноцен-

¹Зачастую с аккуратными табличками под ними с именами тех, кто именно их убил. Как-никак, это была портретная галерея Гильдии Убийц.

ными представителями человеческой расы — разве что в примитивном, биологическом, смысле. Мы нуждаемся в постоянном броуновском движении общества, ибо оно и есть тот самый механизм, с помощью которого люди напоминают друг другу, что они есть... хм... *люди*. Так и он — Эдвард д'Муэрто — стал закручиваться по спирали внутрь себя, как это часто бывает в подобных случаях.

У него не было конкретного плана. Он просто отступил, как любой почувствовавший угрозу человек, на более защищенные позиции — то есть в прошлое. Но то, что случилось далее, произвело на Эдварда такой эффект, какой может испытать только изучающий рептилий студент, нашедший плезиозавра в пруду с золотыми рыбками.

Однажды в жаркий послеполуденный час, после целых суток, проведенных в обществе славных героев ушедших эпох, он вышел, жмурясь от солнца, из библиотеки и нос к носу столкнулся с прошлым. Прошлое беззаботно шло мимо и кивало прохожим с самым дружелюбным видом.

Эдвард впал в необычайное возбуждение.

— Эй! Эй! — заорал он. — Ты кто т-такой?

— Капрал Моркоу, сэ, — ответило прошлое. — Ночная Стража. Господин д'Муэрто, если не ошибаюсь? Чем могу помочь?

— Что? Нет! Нет. Занимайтесь своими д-делами.

Прошлое кивнуло с улыбкой и пошло дальше — в будущее.

Моркоу оторвал взгляд от стены.

«Я потратил три доллара на иконограф. Это такая штука с демоном внутри, которая рису-

К оружию! К оружию!

ет картинки. Сейчас это Дико модно. Прилагаю картинки своей комнаты и друганов по Страже. Шнобби — это тот, который делает Юмеристический Жест, согнув руку в локте. Он может показаться грубым, но на самом деле у него Золотое Сердце и он очень добрый где-то в глубине души».

Моркоу вновь прервался. Он писал письма домой по меньшей мере раз в неделю — как и положено гному. Правда, Моркоу был двухметрового роста, но какое это имеет значение? Ведь вначале его воспитали как гнома, и уж потом — как человека. Литературная деятельность давалась ему не легко, но он не думал сдаваться.

«Погода, — написал он очень медленно и осторожно, — по-прежнему Сильно Жаркая...»

Эдвард не мог в это поверить. Он просмотрел свои записи. Затем просмотрел еще раз. Он начал задавать вопросы, и, поскольку это были невинные вопросы, люди стали ему отвечать. Наконец он решил провести отпуск в Овцепикских горах, где осторожные расспросы привели его к гномьим шахтам у Медной горы, а оттуда — на ничем не примечательную поляну в буковом лесу, где спустя несколько минут терпеливого рытья он обнаружил следы древесного угля.

Он провел на поляне весь день, пока не зашло солнце. А когда он закончил, осторожно прикрыв перегноем следы своих раскопок, от его сомнений не осталось и следа.

В Анк-Морпорке вновь появился король.

И это было *правильно*. Сама Судьба позволила Эдварду осознать это в *тот же миг*, когда у него родился План. И *правильно*, что это сделала Судь-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ба, ибо город будет спасен от позорного настоящего своим *славным* прошлым. У него были *средства*, а теперь у него появилась *цель*... ну и так далее и тому подобное...

Эдварда часто посещали подобные мысли.

Он был способен мыслить *курсивом*, а за такими людьми следует присматривать особенно тщательно.

И желательно с безопасного расстояния.

«Я Интригован вашим письмом в котором вы сказали, что кто-то приходил и спрашивал обо мне и это Поразительно! Я в Анк-Морпорке Всего-Ничего но уже Знаменитоздь!

Я был очень рад узнать об открытии Ствола номер 7. Я хоть и очень счастлив здесь но не против Сказать Вам что очень скучаю по Славным Денечкам, которые провел Дома. Иногда в свой Выходной я иду в Подвал и бью себя топориком по голове, но это Совсем Другое.

Надеюсь это письмо застанет вас в Добром Здравии.

*Искренне Ваш любящий приемный сын
Моркоу».*

Он сложил письмо вместе с иконографическими картинками, запечатал его каплей свечного воска, приложив к нему палец, и сунул в карман штанов. Гномья почта славилась надежностью. Все больше и больше гномов из Овцепикских гор приходили работать в город, и, поскольку гномы отличаются сознательностью, многие из них посылали домой деньги, а это означало, что почтовые отправления приходилось таскать с охраной.

Следует отметить: гномы весьма неохотно расстаются с золотом. Если какому-нибудь разбойнику с большой дороги вздумается предложить гномам выбор «кошелек или жизнь», то ему следует прихватить с собой складной стульчик, бутерброды и книжку, чтобы было чем скоротать время до окончания дебатов.

Разобравшись с письмом, Моркоу умылся, натянул на себя кожаную рубаху, штаны и кольчугу, застегнул нагрудник и, взяв шлем под мышку, бодро вышел из дома, готовый встретить все, что принесет ему будущее.

А теперь другая комната, совсем в другом месте, — убогая, с осыпающимися оштукатуренными стенами и потолком, провисшим, подобно кровати толстяка. Но при этом переполненная мебелью.

Это была старая добротная мебель, но в комнате она смотрелась чужеродно. Такая мебель приличествует более высоким гулким залам, и здесь ей явно было тесновато. Высокие стулья из темного дуба. Длинные буфеты. Даже несколько комплектов доспехов. Для дюжины человек, собравшихся за огромным столом, едва хватало места. Собственно, места едва хватало даже для самого стола.

Тикали часы, скрытые тенью.

Тяжелые бархатные шторы были плотно задернуты, хотя небеса еще не покинул дневной свет. В комнате было душно — как от дневной жары, так и от свечей, горевших в «волшебном фонаре».

Единственным источником света здесь выступал экран, на котором в данный момент застыло очень подробное изображение профиля капрала Моркоу Железобетонссона.

Немногочисленная, но довольно избранная публика смотрела на экран с предусмотрительно бесстрастными выражениями на лицах — как люди, которые уже начали догадываться о том, что в колоде хозяина не хватает карт, но еще мирятся с этим, поскольку они только что поели и было бы невежливо уходить слишком рано.

— Ну и что с того? — произнес один из гостей. — Кажется, я встречал его в городе. Он простой стражник, Эдвард.

— Вот именно! И это очень важно. Скромный незаметный человек — как и должно быть по классической с-схеме. — Эдвард д'Муэрто подал сигнал. Раздался щелчок, и в щель засунули другое стекло. — Эта картина написана н-не с натуры. Король Па-парагор. Снято со старинной г-гравюры. А это... — *Щелк!* — Король Велтрик III. С другого своего п-портрета. А это — королева Альгвинна IV. Видите линию ее подбородка? А эта... — *Щелк!* — семип-пенсовик в-времен царствования Вебблторпа Бесчувственного. Обратите внимание еще раз на форму подбородка и общее строение черепа, а это... — *Щелк!* — Это... п-перевернутая фотография вазы с цветами. Дельфинумы, кажется. Но при чем тут они?

— Э-э, простите, господин Эдвард. У меня оставалась пара лишних стеклянных пластин, а демоны не очень устали, вот я и подумал, что...

— Следующий слайд, пожалуйста. А потом можешь идти...

— Да, господин Эдвард.

— ...к д-дежурному палачу.

— Да, господин Эдвард.

Щелк!

К оружию! К оружию!

— А это довольно неплохое — м-молодец, Бленкин — изображение бюста королевы Коанны.

— Спасибо, господин Эдвард.

— Тем не менее если бы мы увидели ее лицо, то и в этом случае убедились бы в сходстве. Полагаю, хватит. Можешь идти, Б-бленкин.

— Да, господин Эдвард.

— Думаю, придется тебе слегка укоротить уши.

— Да, господин Эдвард.

Слуга почтительно прикрыл за собою дверь и, печально качая головой, спустился в кухню. Эти доны Муэрто уже много лет не могли позволить себе содержать семейного палача. Но раз уж мальчик отдал приказ, слуге придется самостоятельно позаботиться о его выполнении — с помощью кухонного ножа.

Гости ждали, что хозяин дома скажет еще, но он не торопился нарушить молчание. Такое часто бывало с Эдвардом. Будучи в состоянии возбуждения, он страдал не столько от нарушений речи, сколько от неуместных пауз — словно мозг временно закрывал его рот на замок.

Наконец один из посетителей не выдержал:

— Ну и? К чему ты клонишь?

— Вы все увидели сходство. Разве оно не очевидно?

— Ой, да ладно...

Эдвард д'Муэрто придвинул к себе кожаную сумку и принялся развязывать ремни.

— М-мальчика усыновили гномы Плоского мира еще в младенческом возрасте. Они обнаружили его в лесах Овцепикских гор. Среди г-горящих повозок, трупов и тому подобного. Вероятно,